



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская
былина о подсолнечномъ царствѣ. . . А. Н. Веселовскаго.

Исторія Волгарь въ трудѣ К. О. Иречка . В. Макушева.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815.
von Benjamin von Kallay, General-Consul in
Belgrad. (Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ
временъ до 1815 г. Вениамина фонъ-Калая,
генеральнаго консула въ Вѣнградѣ. В. Кочановскаго.

Теорія словесности, какъ научный и учеб-
ный предметъ. И. Вѣлоруссова.

Къ вопросу о преподаваніи математики. . К. Мазинга.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по
физико-математическому и историко-
филологическому отдѣленіямъ за 1876
и 1877 годы.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты.

Письмо изъ Парижа Л. Л.—ра.

Начальная дѣятельность Общества любите-
лей древней письменности.

Объ участіи городскихъ обществъ въ по-
жертвованіяхъ на дѣло образованія.

Отдѣлъ классической филологии и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815 von Benjamin von Kallay, General-Consul in Belgrad. Aus dem Ungarischen mit Zustimmung des Verfassers ins Deutsche übertragen von Professor J. Schwicker. Erster Band, (Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1815 г. Беніамина фонъ-Калаа, генеральнаго консула въ Бѣлградѣ. Переводъ съ мадьярскаго на нѣмецкій языкъ профессора И. Швигера, съ согласія автора. т. I). Budapest, Wien und Leipzig. 1878.

Трудъ г. Калаа состоитъ изъ введенія (въ пяти главахъ), въ которомъ излагается исторія Сербовъ съ появленія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ до конца XVIII столѣтія, и изложенія настоящаго предмета книги, то-есть, исторіи Сербовъ съ конца XVIII в. по 1815 г. Уже самое раздѣленіе сочиненія не вѣрно: если первая часть (такъ-называемое введеніе), въ которой излагается древнѣйшая исторія Сербовъ, не входитъ въ составъ главнаго предмета книги, то лучше бы авторъ совсѣмъ опустилъ ее и не давалъ бы заглавія своему труду: „Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ“. Но пойдемъ за авторомъ.

Въ первой главѣ (введенія) — „Иллиро-Фракійскій полуостровъ ко времени вторженія Сербовъ“ — авторъ представляетъ въ общихъ чертахъ первоначальную исторію Балканскаго полуострова. Нѣтъ, говоритъ онъ, — ни одной страны въ Европѣ, которая испытала бы столько переворотовъ, какъ Балканскій полуостровъ. Упомянувъ о первыхъ, извѣстныхъ исторіи жителяхъ Балканскаго полуострова — Фракійцахъ и Плирахъ (ибо о жителяхъ до нихъ населявшихъ этотъ полуостровъ, нѣтъ извѣстій), потомками которыхъ считаетъ Албанцевъ и Македоно-Валаховъ, да затѣмъ перечисливъ, какіе народы перебивали здѣсь, авторъ останавливается на племени Славянскомъ. Первое появленіе

Славянь въ этой странѣ онъ относитъ ко II—III столѣтіямъ нашей эры; подъ именемъ Карновъ они вмѣстѣ съ Готами опустошали Византійскую имперію; настоящее же вторженіе Славянь (Славяне и Анты) относится, по мнѣнію г. Калай къ концу V вѣка. Изъ такого сопоставленія фактовъ можно бы заключать, что авторъ держится мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые появленіе Славянь на Балканскомъ полуостровѣ ставятъ въ связь съ великимъ переселеніемъ народовъ. Мнѣніе это опровергъ М. С. Дриновъ въ своемъ изслѣдованіи: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (гл. II), и притомъ доказалъ, что начало появленія здѣсь Славянь восходитъ въ періодъ до великаго переселенія народовъ. Но дальше нашъ авторъ какъ будто отказывается отъ этого мнѣнія, когда говоритъ: „Древнія названія мѣстностей и другія обстоятельства заставляютъ признать, что Славяне явились здѣсь не чрезъ завоеваніе, а чрезъ колонизацію, устроенную Византійскими императорами, или наконецъ, такимъ образомъ, что изъ Славянскихъ ордъ, нерѣдко вторгавшихся на Балканскій полуостровъ съ ранняго времени, извѣстная часть могла здѣсь осѣднуть“. Признавая, что первоначальное утверженіе Славянь на полуостровѣ было не вслѣдствіе завоеванія, г. Калай принимаетъ однако, что дальнѣйшее, постепенное ихъ усиленіе здѣсь произошло путемъ завоеванія. Очевидно, авторъ не составилъ себѣ вполне яснаго понятія объ этомъ важномъ предметѣ.

Къ нападеніямъ Славянь на Византійскую имперію, продолжаетъ нашъ авторъ,—присоединились вторженія Аваровъ. Но не столь опасны были вторженія этихъ варваровъ, какъ Персовъ, между которыми въ первой половинѣ VII вѣка начало распространяться ученіе Магомета. Поэтому все вниманіе Византійскаго императора Ираклія (610—641 гг.) было обращено въ эту сторону; сѣверныхъ же варваровъ онъ или задобривалъ золотомъ, или возбуждалъ другъ противъ друга—Славянь противъ Аваровъ, и наоборотъ. Послѣдніе далеко уже проникли въ византійскія владѣнія—въ Паннонію, въ нынѣшнюю Босну и Далмацію. Къ этому-то времени, говоритъ г. Калай,—относится движеніе на Балканскій полуостровъ сначала Кроатовъ (то-есть Хорватовъ), а чрезъ нѣсколько лѣтъ и родичей ихъ Сербовъ, искавшихъ себѣ новыхъ жилищъ. Императоръ Ираклій принялъ ихъ радушно и поселилъ за р. Савою, въ направленіи къ Адриатическому морю, съ цѣлью имѣть въ нихъ форпостъ противъ вторженій Аваровъ.

Послѣ такого, скажемъ, вступленія, автору всего естественнѣе было бы прямо приступить къ изложенію исторіи новыхъ поселенцевъ

Балканскаго полуострова — Хорватовъ, и Сербовъ, или вѣрнѣе, къ исторіи собственно Сербовъ, какъ того требуетъ заглавіе сочиненія. Какъ показываетъ заголовокъ второй главы: „Von der Einwanderung der Serben bis zur Begründung des Königreichs“, авторъ и вознамѣрился посвятить ее этому предмету. Но спрашивается: какъ выполнилъ авторъ то, что обозначилъ въ заголовкѣ этой главы? Тутъ мы находимъ больше лишняго, не идущаго къ дѣлу, чѣмъ самаго дѣла. Не принося ничего новаго, что было-бъ еще неизвѣстно въ литературѣ славянской и иностранной, авторъ впадаетъ въ большія ошибки и силится рѣшить то, что не по силамъ не только ему, не ознакомленному съ первыми источниками по этому предмету, но и ученымъ, всецѣло посвятившимъ себя изученію его. Къ чему, спрашивается, авторъ, задавшись цѣлью написать „Исторію Сербовъ“, говорить о выходѣ Славянъ изъ Арменіи и т. д., однимъ словомъ, о первоначальной исторіи Славянскихъ народовъ, когда въ началѣ этой главы онъ замѣтилъ, что на этомъ вопросѣ лежитъ глубокая тьма (стр. 12)? Развѣ только для того, чтобы упомянуть о томъ, что уже давно извѣстно — именно: что Славянскія племена издревле извѣстны были подъ именемъ „Сербовъ“. Къ чему, спросимъ автора, браться за предметъ трудный для рѣшенія даже корифеямъ славянской филологіи, каковъ вопросъ о языкѣ славянскомъ. Нельзя не удивляться автору, что онъ, будучи знакомъ съ изслѣдованіемъ патріарха славянской филологіи, чешскаго ученаго Добровскаго утверждаетъ совершенный абсурдъ, будто „въ то время, какъ языки романскіе, германскіе и скандинавскіе обнаруживаютъ въ себѣ смѣсь разнородныхъ элементовъ, славянскіе языки не представляютъ такого процесса превращенія и образованія“ (стр. 14). Но уже слѣдующія затѣмъ слова автора показываютъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ: „Die Wortwurzeln sind mit unwesentlichen Abweichungen bei allen bestehenden Slavischen Sprachen dieselben, welcher Umstand deutlich beweist, dass sämmtliche aus derselben Ursprache ohne Hinzutreten eines fremden Sprachelementes entstanden sind“ (тамъ же). Авторъ, такимъ образомъ, считаетъ эти отклоненія не существенными; но такъ ли на самомъ дѣлѣ? На дѣлѣ оказывается совершенно противное. Еслибъ авторъ при этомъ хоть однимъ словомъ коснулся исторіи сербскаго языка, тогда это ненужное разсужденіе о славянскомъ языкѣ имѣло бы свое оправданіе съ точки зрѣнія логической послѣдовательности. Но страдая недостаткомъ въ отношеніи логики оно въ то же время оказывается совершенно невѣрнымъ: вышеизложенному мнѣнію г. Калая мы проти-

впоставляемъ первый опытъ рѣшенія вопроса „объ иноплеменныхъ стѣпяхъ, съ которыми сталкивалась славянская народность на Балканскомъ полуостровѣ“, представленный М. С. Дриновымъ въ упомянутомъ уже его сочиненіи ¹⁾: изъ него видно, что языки Трако-Иллировъ (нынѣшнихъ Албанцевъ), Римлянъ, Грековъ, Нѣмцевъ (Готовъ), Гунновъ, Аваровъ и др. оказали свое вліяніе на языкъ селившихся между ними Славянъ ²⁾. Авторъ поступилъ бы, гораздо рациональнѣе еслибы все это выпустилъ, а тщательнѣе изложилъ бы исторію Сербовъ, на сколько это возможно, не говоря, на основаніи первыхъ источниковъ, а хоть бы извѣстныхъ уже въ Европейской литературѣ изслѣдованій по этому предмету. Г. Калау неизвѣстно вышеупомянутое прекрасное изслѣдованіе М. С. Дринова, въ которомъ почтенный славистъ критически отнесся къ свидѣтельствамъ византійскихъ и другихъ источниковъ относительно появленія и утвержденія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; критическая оцѣнка этихъ источниковъ дала ему возможность исправить ошибки П. І. Шафарика и другихъ ученыхъ; ему, между прочимъ, удалось опредѣлить настоящее значеніе повѣсти Константина Багрянороднаго въ его „De administrando imperio“ о занятіи Далматіи Славянами (Сербо-Хорватами), которое будто устроено было самимъ Иракліемъ, пригласившимъ ихъ для противодѣйствія Аварамъ, которые въ половинѣ V вѣка утвердились въ Далматіи. М. С. Дриновъ доказалъ, что самая завязка этой повѣсти „исторически несостоятельна“, и что утвержденіе Славянъ въ этой части Балканскаго полуострова произошло не въ царствованіе императора Ираклія, а напротивъ— „еще за-долго до Ираклія тамъ были уже болѣе или менѣе значительныя славянскія поселенія, которыя въ царствованіе этого императора увеличились приливомъ новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, приходомъ двухъ воинственныхъ славянскихъ дружинъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ“ ³⁾.

¹⁾ Заселеніе, стр. 136—145.

²⁾ Не можемъ не замѣтить кстати, что почтенный славистъ ошибочно полагаетъ, что славянское *постъ* явилось изъ нѣмецкаго *Faste*, готскаго *fastan*; возможно ли отказать славянскому языку въ этомъ самостоятельномъ словѣ въ виду того, что въ исходномъ праязыкѣ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ — санскритѣ существуетъ слово *уна*—*аста* = живъ подъ извѣстными условіями, изъ коего, по отпаденіи предлога *уна*, образовалось славянское — *постъ* — слово, которое несомнѣнно должно было существовать съ древнѣйшихъ временъ, а не возникнуть чрезъ заимствованіе у готскаго (нѣмецкаго) языка.

³⁾ Заселеніе, стр. 128.

Что затѣмъ сказать о попыткѣ автора опредѣлить границы Хорватовъ и Сербовъ, равно и границы отдѣльныхъ сербскихъ областей, управлявшихся своими отдѣльными жупанами? Самъ г. Калай сознается, что вѣрно намѣтить границы эти чрезвычайно трудно и даже невозможно, вслѣдствіе недостатка источниковъ, — и все-таки берется за этотъ не по силамъ для него трудъ, въ добросовѣстномъ выполненіи котораго мы положительно сомнѣваемся; онъ дѣлаетъ тутъ оди́нъ предположеніа, которыя самъ не расположенъ считать вполне вѣрными, — что проистекаетъ отъ полнаго довѣрія сказанію Константина Вагрянороднаго о положеніи разныхъ колѣнъ Сербскаго племени. Но г. Дриновъ уже доказалъ, что Константинъ Вагрянородный знакомить насъ съ положеніемъ отдѣльныхъ славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ и взаимными ихъ отношеніями лишь „на столько, на сколько то и другое было ему извѣстно изъ современной ему дѣйствительности. Что же касается отношеній ихъ въ древнѣйшія времена, то“ — по мнѣнію г. Дринова, — „извѣстія его объ этомъ предметѣ не имѣютъ въ основѣ своей какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ и явственно обличаютъ въ себѣ домыслъ и соображенія, опиравшіяся на весьма шаткія основанія“ ¹⁾. Г. Калаю неизвѣстенъ этотъ вѣрный взглядъ почтеннаго слависта, какъ и вообще новѣйшія прекрасныя изслѣдованія по этому предмету, которыя много облегчили бы его трудъ, и пожалуй, избавили бы его отъ тщательнаго изученія источниковъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу; авторъ же вообще неохотно, или лучше сказать, совсѣмъ не справляется ни съ пособіями, ни съ источниками. Правда, при рѣшеніи именно этого вопроса авторъ — судя по ссылкѣ — принялъ во вниманіе сербскія лѣтописи (стр. 22). Но видно, добросовѣстно же изучилъ онъ этотъ важный источникъ, когда заимствуетъ изъ него данныя для рѣшенія такого вопроса, котораго самъ этотъ источникъ не касается! Автору неизвѣстно, что сербскія лѣтописи начинаютъ свою повѣсть съ жупана Степана Немани, основателя Сербскаго государства, и совершенно умалчиваютъ объ исторической судьбѣ Сербовъ до этого періода; что родъ основателя государства Немани баснословно выводится сербскою лѣтописью отъ императора Константина Великаго чрезъ посредствующее звено мучителя христіанъ Ликинія, родомъ Сербъ, за котораго Константинъ Великій выдалъ свою дочь Констанцію.

¹⁾ Заселеніе, стр. 160.

Не представивъ настоящей исторіи Сербовъ въ этотъ періодъ, авторъ все свое разсужденіе въ этой главѣ резюмируетъ догадкою, что Сербамъ въ этотъ періодъ педоставало чувства національнаго единства и необходимости единаго общаго государства, а преобладалъ въ нихъ полный партикуляризмъ (стр. 35).

Въ третьей главѣ (Die dynastische Staatsentwicklung) авторъ представляетъ постепенное развитіе государственной идеи, зародившейся въ основателѣ Сербскаго государства Степанѣ Неманѣ и достигшей полнаго своего развитія при царѣ Степанѣ Душанѣ (Сильномъ). Важное значеніе въ исторіи развитія Сербскаго государства въ этотъ періодъ онъ придаетъ королю Милутину Урошу II, благодаря энергической дѣятельности коего Сербія вступаетъ на путь завоеваній (стр. 539): но это вовсе не доказано авторомъ. Одно, по нашему мнѣнію, именно—этой главы сочиненія, составляетъ достоинство, что авторъ коварную политику Сербскихъ королей, противодѣйствіе сербскихъ бояръ королямъ и тому подобныя обстоятельства объясняетъ естественнымъ ходомъ развитія всякаго государства, чему аналогическіе примѣры приводитъ изъ исторіи Англіи,—и такимъ образомъ не видѣляетъ Сербское государство, какъ страну варварскую, изъ концерта европейскихъ государствъ, а показываетъ естественное ихъ сходство. Не отрицая затѣмъ популярнаго значенія этой главы сочиненія, мы должны однако замѣтить, что авторъ не сказалъ въ ней ничего новаго. Авторъ нашъ говоритъ (стр. 63), что исторія Сербскаго государства значительно темнѣе исторіи другихъ европейскихъ государствъ; но съ своей стороны, онъ ничего не сдѣлалъ для ея проясненія, а напротивъ того, еще болѣе затемняетъ; онъ повторяетъ ошибки другихъ, которыя, при настоящемъ состояніи исторіи Сербіи, легко можно исправить. Такова, напримѣръ, ошибка относительно вѣнчанія королевскою короною Степана Первовѣнчаннаго. Гг. Майковъ ¹⁾ и Крстичъ ²⁾ объясняютъ свидѣтельство житія св. Симеона ³⁾ (Степана Первовѣнчаннаго) тѣмъ, что первый Сербскій архіепископъ св. Савва послалъ къ папѣ епископа Меодія за короною для Степана (Первовѣнчаннаго), такимъ образомъ, что Степанъ Первовѣнчанный сначала былъ корономъ папою, вслѣдствіе чего склонился было къ западу; въ этомъ оба историка усматриваютъ причину того, что св. Савва оставилъ

¹⁾ Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіей народа, 1857 г., стр. 220.

²⁾ Исторія србскы народа, 1864 г., св. II, стр. 97—8.

³⁾ Изд. Даничица, 1865 г., стр. 245—7.

своего брата и ушелъ на Аеонъ. Но когда затѣмъ Степанъ Перво-вѣнчаный опять возвратился въ лоно восточной церкви, св. Савва прибылъ къ нему и вѣнчалъ его вторично, какъ бы для забвенія папскаго вѣнчанія. Они относятъ это второе вѣнчаніе къ 1222 г. Но вотъ одинъ источникъ, говорящій противъ такого мнѣнія. Въ 7-й книгѣ „Древностей“ (Starine) г. Рачкій издалъ письмо Степана Перво-вѣнчаннаго къ папѣ Гонорію III отъ 1220 г. (оставшееся послѣ Августина Тейнера ¹⁾), изъ котораго видимъ, что Степанъ, послѣ вѣнчанія (rex coronatus), отправилъ епископа Меодія къ папѣ и требовалъ чрезъ него отвѣта на свои обѣщанія: „ita nos desideramus sancte romane ecclesie et vestri fidelem filium nominari, affectans quod benedictio et confirmatio dei et vestra sit, si placet, super coronam et ferream nostram semper manifeste“. Послѣ этого приходится отвергнуть мнѣніе г. Майкова и Крстича, которое повторяетъ и г. Калай, (стр. 47), и наоборотъ—признать совершенно вѣрнымъ свидѣтельство „Житія св. Симеона“, понимая его въ томъ смыслѣ, что епископъ Меодій посланъ былъ св. Саввою къ папѣ за благословеніемъ для Сербіи и для Степанова вѣнца. Неупоминаніе въ этомъ письмѣ о св. Саввѣ оправдывается тѣмъ, что тутъ была извѣстная цѣль, въ которой заинтересованъ былъ самъ св. Савва. Такого же рода ошибка сдѣлана и относительно года вступленія Степана Душана на сербскій престолъ; по этому предмету г. Калай приводитъ два мнѣнія: по одному—1336 г., а по другому—1332 г. (стр. 61), и оба невѣрны. Г. Руварацъ въ прекрасной статьѣ „о первыхъ годахъ правленія Душана“ доказалъ, что Душанъ вступилъ на сербскій престолъ 1331 г. ²⁾

Если, положимъ, можно списходительно отнестись къ ошибкамъ этого рода, то нельзя не осудить г. Калая за ошибки, вносимыя имъ вслѣдствіе недобросовѣстнаго изученія тѣхъ источниковъ, на которые онъ ссылается. Откуда, наприимѣръ, — спросимъ мы автора — взялъ онъ, что сербскія лѣтописи приписываютъ Урошу, отцу Драгутина, титулъ „велики краль“ (стр. 50). Стоитъ взять любую сербскую лѣтопись, и ошибка г. Калая обнаружится яснѣе дня. Въ лѣтописи Копривничской, въ спискѣ 1453 г., читаемъ: „по сѣмъ прѣемлетъ краљество братъ сего прьвыи оурошь иже и наречєнны храпавыи краль“ ³⁾; въ лѣтописи Сѣчичской, въ

¹⁾ Письмо это не вошло въ его Monumenta Slavorum meridionalium.

²⁾ Rad jugoslav. akad., кн. XIX, стр. 180.

³⁾ Schafarik, Památky pismn., стр. 51, 69.

спискѣ 1501 года сказано: „Пріе пачельство кралѣвства сынъ жоупана (Степана Первовѣчаннаго) стефанъ пръвѣи оуропъ паречени храпави краль“. Быть можетъ въ читателѣ возбудить сомнѣніе приписанный тутъ Степану Первовѣчанному титулъ „жоупана“; но въ той же лѣтописи, чрезъ десять строкъ выше читаемъ: „Съ же стефанъ првовѣичави краль,“¹⁾. Ясно, снова повторимъ, г. Калай вовсе не заглядывалъ въ сербскія лѣтописи.

Переходимъ къ 4-й главѣ: *Die Glanzperiode des Serbischen Reiches*. Признавая относительную вѣрность взгляда автора на Степана Душана, высказаннаго въ началѣ этой главы, какъ на великаго Сербскаго государя, нельзя не замѣтить, что во всемъ прочемъ здѣсь представляется смѣсь смѣлыхъ, неосновательныхъ предположеній и явныхъ невѣрностей, недомолвокъ. Авторъ берется за рѣшеніе такихъ вопросовъ (и рѣшаетъ ихъ гадательно), которые не по силамъ даже ученымъ, самымъ тщательнымъ образомъ изучившимъ всѣ источники, относящіеся къ этимъ вопросамъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на его собственное новое мнѣніе, что христіанская проповѣдь у язычниковъ Сербовъ, начатая вторично въ IX вѣкѣ славянскими апостолами Кирилломъ и Меодіемъ, сравнительно съ первомъ проповѣдью при Византійскихъ императорахъ Иракліѣ и Василіѣ, обязана своимъ успѣхомъ не столько тому, что эта новая проповѣдь была на славянскомъ языкѣ, сколько необходимости, являющейся у всякаго народа, достигшаго извѣстной степени развитія (стр. 89)? Какъ выжета съ этимъ мнѣніемъ слѣдующее затѣмъ замѣчаніе, что язычество у Сербовъ продолжалось еще въ началѣ XIII вѣка? Затѣмъ спрашивается: откуда авторъ взялъ, что Степанъ Душанъ обращался къ папѣ съ изъявленіемъ готовности принять католицизмъ въ то самое время, какъ узналъ, что Венгерскій король Людовикъ I Великій собралъ громадное войско противъ него (стр. 70). Авторъ положительно перепуталъ здѣсь событія. Сношенія по этому поводу были, но прежде—до снаряженія Людовикомъ I похода противъ него; автору неизвѣстно, на сколько были искренни заявленія Душана передъ папой о готовности принять католицизмъ. Исторія показываетъ, что онѣ были плодомъ дипломатической тонкости Сербскихъ государей; когда же дѣло доходило до приведенія въ исполненіе этихъ обѣщаній, они совершенно отказывались отъ нихъ. Одинъ изъ такихъ примѣровъ былъ предъ началомъ войны Людовика I Великаго съ Степаномъ Душаномъ. Душанъ высококомѣрно принялъ папскаго легата, явившагося въ

Сербію для приведенія въ исполненіе даннаго предѣ тѣмъ Душаномъ обѣщанія о введеніи католицизма въ Сербію; онъ напесъ папскому легату обиду, въ отмщеніе за которую Людовикъ I предпринимаетъ походъ на Душана, съ благословенія папы. Г. Калай, касаясь этого событія въ своей „Исторіи“, не указываетъ причины, заставившей Людовика I обратитъ прежде свое оружіе на союзницу Душана, Венеціанскую республику; ему неизвѣстно неудовольствіе папы на то, что Людовикъ сталъ дѣйствовать противъ венеціанскихъ владѣній въ Далмаціи, а не прямо противъ владѣній схизматика Душана. Какъ затѣмъ могло случиться, что Степанъ Душанъ, принявъ 1346 г. ¹⁾ титулъ царя Сербовъ, Грековъ, Волгаріи, Поморья и западныхъ странъ, передалъ собственную Сербію въ управленіе юному сыну Урошу, при чемъ вѣнчалъ его королевскою короною (?!) (стр. 70),—когда исторія свидѣтельствуетъ, что по смерти Душана (1355 г.) его сынъ Урошь V не могъ принять бразды правленія по несовершеннолѣтію. Интересно также знать, изъ какого источника авторъ заимствовалъ свѣдѣніе, что въ каждомъ жупанствѣ былъ отдѣльный, независимый епископъ—(Bischof oder Oberpriester (стр. 91). Въ образецъ исполнѣ не основательныхъ предположеній автора я приведу, на примѣръ, хоть слѣдующее: „Степанъ Неманя преслѣдовалъ еретиковъ-патареновъ; католиковъ же въ приморскихъ странахъ оставилъ въ покоѣ, изъ опасенія не возбудитъ противъ себя тамошнихъ католиковъ-Сербовъ,—какъ будто преслѣдованіемъ патареновъ-Сербовъ онъ пріобрѣталъ себѣ симпатіи сихъ послѣднихъ (стр. 93). Откуда авторъ взялъ, что Сербская церковь приняла, со времени вступленія Сербскаго государства на путь завоеваній, характеръ *ecclesiae militantis*; что въ завоевываемыхъ провинціяхъ сербское духовенство устраивало непременно сербскую церковь (стр. 96)?

Съ цѣлью представить вѣрный взглядъ на состояніе Сербскаго государства въ періодъ его величайшаго могущества при царѣ Степанѣ Душанѣ, авторъ дѣлаетъ очеркъ внутренняго состоянія сербскаго общества на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ Душанова Законника. Говоря о судопроизводствѣ у Сербовъ, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе недостаточности данныхъ по этому предмету, онъ можетъ представить вообще очень неудовлетворительный очеркъ этого предмета (стр. 124); равнымъ образомъ, касаясь уголовного права, дѣлаетъ такое же замѣчаніе. Вообще, въ своемъ изслѣдованіи авторъ

1) Г. Калай замѣчаетъ, что по инымъ извѣстіямъ, дѣло это случилось 1348 г.

останавливается на самых выдающихся фактах по этому вопросу (стр. 131). При скудости данных, кажется, слѣдуетъ принимать ихъ всѣ во вниманіе, а не дѣлать изъ нихъ выбора. Автору слѣдовало эти пробѣлы дополнить данными, заимствованными изъ грамотъ: между тѣмъ онъ ссылается на нихъ только раза два-три, и то какъ-бы мимоходомъ. При обзорѣ внутренняго устройства сербскаго общества, важныя данныя можно заимствовать изъ житій сербскихъ святыхъ; автору могъ бы послужить въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ „Рѣчникъ изъ книги жевнихъ старина српскихъ“ Даничича. Но и этотъ источникъ не употребленъ имъ въ дѣло. При этомъ не можемъ не замѣтить, что г. Калай въ своей „Исторіи“ обнаруживаетъ какую-то страсть къ неточностямъ. Такъ напримѣръ, вмѣсто того, чтобы прямо сказать: „такой-то лѣтописецъ свидѣтельствуетъ то и то“, онъ употребляетъ неточное выраженіе: „одина лѣтописецъ...“ *Nach der Behauptung eines Christen*“, (стр. 139).

Не умаляя интереса сообщенныхъ въ разбираемой главѣ свѣдѣній по исторіи внутренняго быта Сербовъ, должно замѣтить, что нельзя вполне положиться на ихъ достовѣрность. Какъ на образчикъ невѣрности укажемъ, между прочимъ слѣдующее: Авторъ говоритъ, что при Душанѣ мы видимъ у Сербовъ оживленную литературную дѣятельность. Первыми произведеніями были церковныя пѣсни, которыя позднѣе вызвали появленіе хроникъ и біографій (житій) религіознаго характера (стр. 151). Но это невѣрно: въ то время литература у Сербовъ клонилась уже къ упадку и даже не можетъ быть сравниваема съ начальнымъ разцвѣтомъ сербской письменности, при первомъ сербскомъ архіепископѣ св. Саввѣ; житія Немани, писанныя св. Саввой и Степаномъ Первоувѣнчаннымъ и житіе Симеона (Степана Первоувѣнчапаго), писанное Дометіаномъ, оставляютъ далеко за собою произведенія, явившіяся впоследствии.

Одно несомнѣнное достоинство въ этомъ очеркѣ внутренняго быта представляетъ сравненіе тогдашняго общественнаго состоянія Сербовъ съ состояніемъ народовъ Западной Европы въ соответствующую эпоху; при этомъ авторъ указываетъ преимущество положенія сербскаго общества предъ западно-европейскимъ (стр. 151). Впрочемъ, на сколько вѣрно это сравненіе — не беремъ судить.

Переходимъ къ пятой главѣ: „Паденіе сербскаго государства“ (Verfall und Untergang des Serbischen Staates). И этотъ періодъ сербской исторіи, не смотря на то, что, сравнительно съ предыдущимъ, онъ имѣетъ нѣсколько больше источниковъ, изложенъ авторомъ са-

мымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Это опять-таки свидѣтельствуеъ, что авторъ не занимался источниками въ подлинникѣ. Но кромѣ того, мы наталкиваемся здѣсь на столь поразительные промахи и ошибки, что трудно себѣ представить ихъ возможность для ученаго, добросовѣстно изслѣдующаго извѣстный предметъ. Табъ, напримѣръ, какъ долженъ читатель произведенія г. Калая смотрѣть на его разказъ (стр. 152) о томъ, что Сербскій народъ охарактеризовалъ недѣятельнаго преемника Душанова, его сына Уроша V, эпитетомъ „слабый“ (неякій), и что это свойство его видно между прочимъ въ томъ, что дядя его Симеонъ (Синиша), братъ Душана, знаа слабость своего племянника, двинулся походомъ на собственную Сербію изъ своего удѣла въ Албанію съ цѣлью занять сербскій престолъ? (стр. 152). Прежде всего слѣдуетъ спросить автора, когда Урошъ могъ заявить свою слабость, если навѣрно извѣстно, что движеніе Синиши на Сербію произошло тотчасъ по смерти Душана, какъ самъ же авторъ говоритъ нѣсколько ниже? (стр. 160). Да къ тому жъ извѣстно, что въ первые годы по смерти Душана даже и не Урошъ управлялъ Сербскимъ государствомъ, а его опекунъ Вукашинъ, — о чемъ авторъ тоже говоритъ ниже (стр. 158—159). Очевидно, авторъ самъ себѣ противорѣчитъ. Къ противорѣчію присоединяется невѣрная передача фактовъ. Откуда, напримѣръ, взялъ авторъ, что Синиша въ 1357 г. предпринялъ вторичный походъ въ Сербію, въ союзѣ съ Греками и Турками? (стр. 160). Византійскіе лѣтописцы: Кантакузенъ и Григора ясно свидѣтельствуютъ, что этотъ походъ предпринималъ Матвѣй Кантакузенъ. Не можетъ не показаться смѣшнымъ, что авторъ при этомъ выражается такимъ образомъ: „О возстаніи Синиши, происшедшемъ въ первый годъ правленія Уроша V, была уже рѣчь“, хотя на самомъ дѣлѣ выше сдѣлано только упоминаніе, и то, какъ бы мимоходомъ. Между тѣмъ на этотъ походъ слѣдовало-бъ обратить болѣе серьезное вниманіе: онъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи Сербскаго царства и былъ продолженіемъ неудачнаго похода при жизни самого Душана. Упомянувъ объ этомъ походѣ лишь вскользь, авторъ упустилъ изъ виду общность интересовъ Сербіи и Венеціанской республики. Однимъ упоминаніемъ ограничился авторъ и о походѣ Венгерскаго короля Людовика I Великаго на Сербію (1358 г.) При поверхностномъ отношеніи въ данномъ случаѣ автора къ этому походу и къ предшествовавшему ему нападению Грековъ, ускользнуло отъ вниманія автора важное явленіе въ исторіи Сербскаго государства, именно — точное исполненіе сербскими областными намѣстниками воли царя Степана Душана

въ первые годы послѣ по смерти, въ тѣ тяжелые дни испытанія для юной южнославянской монархіи. Слѣдовавшая затѣмъ неравная борьба Лазаря Гребельяновича съ Вукашиномъ, въ которой первый поднялъ знамя за права юнаго Уроша V, изложена авторомъ тоже обстоятельно. Какъ видно, автору неизвѣстны главные источники по этому предмету: двѣ сербскія лѣтописи: 1) „Обшти лист“ и „Троношская“, грамота Венгерскаго короля Людовика I отъ 1359 г., а равно и свидѣтельство Виллана, приведенное Райпальдомъ въ „Annales oeclesiae“, томъ VII, стр. 143, и Энгелемъ въ „Geschichte von Serbie“. Еслибъ авторъ воспользовался двумя послѣдними источниками, онъ не выразился бы предположительно о томъ, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, именно—что „войною Лазаря съ Вукашиномъ воспользовались, какъ кажется (wie es scheint), Венгерцы“ (стр. 163). Очень жаль, что авторъ не указываетъ своихъ источниковъ: ибо въ самомъ дѣлѣ интересно знать, какою хроникою пользуется авторъ, когда утверждаетъ будто „въ войскѣ Вукашина въ битвѣ съ Турками на рѣкѣ Марицѣ не было Сербовъ, а только Греки, Македоно-Валахи и Албанцы“; изъ этого факта онъ выводитъ заключеніе, что Сербскій народъ отдѣлилъ свои собственные интересы отъ интересовъ Вукашина (стр. 163). Вѣроятно, изъ того же источника авторъ заимствуетъ свѣдѣніе, будто Вукашинъ, избѣжавшій смерти на полѣ битвы у р. Марицы, былъ убитъ во время его бѣгства, однимъ Туркомъ, у котораго онъ искалъ защиты... (стр. 164). Значитъ, авторъ принимаетъ, что турецкія поселенія въ то время простирались уже такъ далеко въ глубь Македоніи, какъ то было, по свидѣтельству исторіи, только послѣ этой битвы на р. Марицѣ (1371 г.) Значеніе этого важнаго въ исторіи покоренія Турками Балканскаго полуострова событія вовсе не показано. Точно также и Косовская битва не представлена въ надлежащемъ свѣтѣ: не видно, чтобъ авторъ прогуглировалъ хотя главнѣйшіе источники, касающіеся этого событія. Дальнѣйшія событія этого періода сербской исторіи до окончательнаго покоренія Сербіи Турками (1459 г.) авторъ излагаетъ чрезвычайно кратко.

Между исторіей Сербіи и исторіей Босніи, Герцеговины и Зеты (нынѣшней Черногоріи) существуетъ тѣснѣйшая связь, Авторъ указываетъ на необходимость коснуться исторіи Босніи и Зеты и посвящаетъ этому всего лишь двѣ страницы. Не смотря на такую краткость, читатель все-таки въ правѣ требовать отъ автора свѣдѣній: о томъ, когда и какъ Боснія была покорена Турками, но ничего этого не

находитъ въ „Исторіи“ г. Калая; равнымъ образомъ, когда и какъ покорена Герцеговина: о послѣдней авторъ даже и не вспомнилъ.

О судьбахъ Сербовъ въ XVI в. авторъ не сообщаетъ ничего, хотя есть на то довольно источниковъ. Почти столько же свѣдѣній найдеть читатель и по исторіи Сербовъ въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII. Свой разказъ о древней и средней исторіи Сербовъ авторъ оканчиваетъ упоминаніемъ о переходѣ Ипекскаго патріарха Арсенія III (котораго, впрочемъ, онъ не называетъ здѣсь по имени ¹⁾) со многими тысячами Сербовъ въ Венгрію (1690 г.).

Вслѣдъ затѣмъ авторъ приступаетъ къ изложенію событій новѣйшаго времени (съ 1780 г.), чтò, по его заявленію составляетъ настоящій предметъ его сочиненія (стр. 174). Нужно отдать справедливость автору, что эта часть его труда довольно интересна, хотя не приноситъ въ науку ничего новаго. Первая глава 1-й книги (обнимающей время отъ 1780 по 1806 г.) „Положеніе Сербовъ въ концѣ XVIII вѣка“ — составлена на основаніи изслѣдовавій, существующихъ въ иностранной и сербской литературахъ; въ ней представлены ненормальныя отношенія побѣдителей-Турокъ къ побѣжденнымъ Сербамъ Бѣлградскаго пашалыка, вытекавшія изъ религіозной политики османскаго правительства. Въ этихъ аномальныхъ отношеніяхъ авторъ справедливо усматриваетъ причину сербскаго возстанія.

Во второй главѣ — „Австро-турецкая война“ 1788 — 1790 гг. — авторъ, воспользовавшись главнымъ образомъ мемуарами Сербскаго князя Матвѣя Ненадовича (сына Алексы Ненадовича, современника и главнаго вожака сербскаго возстанія до перехода австрійскихъ войскъ чрезъ Дунай въ предѣлы пшѣшняго Сербскаго княжества) и нѣкоторыми другими пособіями, сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній. Война эта изложена самымъ обстоятельнымъ образомъ; авторъ тщательно собралъ свѣдѣнія о дѣятельномъ участіи въ пей Сербскаго народа, и ея значеніе авторъ справедливо усматриваетъ въ томъ, что поработенные Сербы тутъ на опытѣ убѣдились, что Турки не непобѣдимы. Съ этого момента въ угнетенныхъ Сербяхъ возродилось сознаніе собственнаго національнаго достоинства (стр. 264) ²⁾. Слѣдовавшія затѣмъ волюющія оскорбленія народнаго само-

¹⁾ Авторъ называетъ его по имени только въ слѣдующемъ отдѣлѣ своего сочиненія, стр. 198.

²⁾ О развитіи такого самосознанія въ Сербскомъ народѣ лучше всего свидѣтельствуетъ 8-я статья требованій, предъявленныхъ Сербамъ 1804 г. въ г. Землянъ австрійскому генералу Генсину, явившемуся посредникомъ со стороны австрійскаго правительства возстановленія мирнаго положенія между Сер-

сознанія со стороны четырехъ дагіевъ (начальниковъ янычаръ) послужили толчкомъ къ новому возстанію Сербовъ — сначала въ союзъ съ Турками, съ бѣлградскимъ визиремъ Мустафою-пашею противъ виддинскаго шахи Пасванъ-Оглу, поддерживавшаго янычаръ. Неугомонный Пасванъ-Оглу выдержалъ съ 12,000-мъ гарнизономъ въ Виддинѣ, укрѣпленномъ польскими инженерами (стр. 808), осаду 120,000 турецкаго войска, отправленнаго противъ него султаномъ Селимомъ II, и при заключеніи мира съ султаномъ, потренивалъ возвращенія янычаръ въ Бѣлградскій пашалыкъ. Это несчастное для Сербскаго народа обстоятельство предало бѣдную Сербію произволу янычаръ, которые снова стали здѣсь полными хозяевами. Прежде всего имъ удалось убить главнаго своего врага Мустафу-пашу; вслѣдъ затѣмъ принялись они за истребленіе сербскихъ князей. Отъ руки янычаръ погибли главные вожаки Сербовъ (въ числѣ ихъ и Алекса Ненадовичъ), кромѣ Кара-Георгія Петровича, который явился съ этого времени руководителемъ народа. Всѣ эти событія составляютъ содержаніе третьей главы — „Предъ революціей“. Глава эта представляетъ въ трудѣ г. Калая большой интересъ. Подобный же отзывъ слѣдуетъ сдѣлать и о слѣдующихъ главахъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать сказаннаго уже выше, что авторъ не сообщаетъ ничего столь новаго, что еще было бы неизвѣстно въ сербской литературѣ. Весь этотъ дѣльный отдѣлъ разбираемаго сочиненія составленъ на основаніи изслѣдованій Караджича, Дурича, Хаджича, Пантеленча и мемуаровъ очевидца событій, Матвѣя Ненадовича; свѣдѣнія, разбросанныя въ этихъ сочиненіяхъ, хорошо сопоставлены авторомъ.

Подобно 3-й главѣ, четвертая — „Открытое возстаніе“ — представляетъ интересную повѣсть о сербскомъ возстаніи, подъ предводительствомъ Кара-Георгія Петровича, до начала 1805 года. Здѣсь авторъ сообщаетъ, какимъ образомъ Сербы отъ Австріи обратились въ Россію за протекторатомъ. Главное вліяніе въ этомъ событіи авторъ приписываетъ Сербскому митрополиту въ Венгріи Стратимировичу, составившему своего рода меморандумъ, который, чрезъ посредство духовника великой княгини Александры Павловны, о Сам-

бами и султаномъ; въ ней Сербы требовали права выбора своего представителя, который долженъ былъ утверждаться султаномъ; онъ долженъ былъ постоянно при бѣлградскомъ визирѣ; съ нимъ бѣлградскій визиръ долженъ обсуждать дѣла, непосредственно касающіяся Сербскаго народа (стр. 380). Это же требованіе Сербы повторили чрезъ своихъ пословъ въ Константинополь 1805 г. (стр. 455).

борскаго, былъ переданъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыйскому. Хотя этому важному акту не данъ былъ ходъ Чарторыйскимъ, но идея, высказанная здѣсь впервые, не прошла безслѣдно: руководствуясь ею, сербскіе князья отправили 1804 г. въ Петербургъ посольство, состоявшее изъ Матвѣя Ненадовича, Чардакли и Ивана Протича, съ цѣлью добиться протектората Россіи. Сколько можно заключать изъ „мемуаровъ“ Матвѣя Ненадовича, говоритъ авторъ, — сербскіе депутаты не достигли своей цѣли: они даже не имѣли аудіенціи у императора Александра I. Но не смотря на то, Матвѣй Ненадовичъ, по возвращеніи изъ Россіи въ Сербію (въ началѣ 1805 г.), заявилъ всему сербскому народу, что Русскій царь требуетъ присяги ему всего народа на богатомъ евангелии, которое ему подарили въ Петербургѣ. Однако, при этомъ Матвѣй Ненадовичъ не скрылъ отъ собранія совѣтъ князя Чарторыйскаго — ничего не предпринимать противъ султана (собственно), съ которымъ русское правительство находилось въ мирѣ. Совѣтъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ согласовался съ общественнымъ мнѣніемъ въ Сербіи, что война ведется не противъ султана, а противъ узурпаторовъ-яничаръ, угнетавшихъ народъ.

Въ слѣдующей пятой главѣ — „Внутреннія дѣла и отношенія къ иностраннымъ державамъ“ авторъ главнымъ образомъ останавливается на внутреннемъ устройствѣ сербской страны; онъ старается уяснить, какимъ образомъ народное представительство вѣрно сохранилось въ угнетенномъ Сербскомъ народѣ, и главную причину того усматриваетъ въ народномъ эпосѣ, который живо сохранилъ въ памяти народа важнѣйшія событія его прошлой жизни. Правда, этотъ интересный въ исторіи Сербовъ фактъ изложенъ авторомъ не вполне обстоятельно: очень ясно видно, что авторъ не вполне основательно изучилъ народныя сербскія пѣсни. Сочиненіе г. Калая имѣло бы несомнѣнное преимущество въ этомъ случаѣ передъ другими изслѣдованіями по новой исторіи Сербовъ, еслибъ этотъ драгоценный источникъ — народныя пѣсни, былъ изученъ авторомъ надлежащимъ образомъ и примѣненъ какъ слѣдуетъ къ дѣлу.

Что касается самого устройства Сербовъ съ момента ихъ освобожденія отъ Турокъ подъ водительствомъ Кара-Георгія Петровича, то авторъ не представилъ въ своемъ изложеніи ничего такого новаго, что не было-бъ уже извѣстно какъ въ сербской литературѣ, такъ и въ русской, какъ въ объемистыхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ журнальныхъ статьяхъ.

Не вполне примѣнимъ подобный отзывъ къ шестой главѣ разбираемаго сочиненія „Побѣдоносный успѣхъ революціи“. Здѣсь совершенно умѣстно, полагаемъ, будетъ сказать слова два объ отношеніи труда г. Калай къ труду Н. А. Попова: „Россія и Сербія“, какъ самому позднему послѣ труда перваго.

Если взять во вниманіе подробность въ изложеніи періода времени съ 1780 по 1806 г., составляющаго предметъ перваго тома книги г. Калай (стр. 174 — 601), то краткость изложенія того же періода въ книгѣ г. Попова представится поразительною. Это обстоятельство отмѣтилъ отчасти самъ же г. Калай въ предисловіи къ своему труду, замѣтивъ, что г. Поповъ мелькомъ пробѣжалъ первые годы сербскаго возстанія за освобожденіе (въ предисловіи, стр. VII), остановившись главнымъ образомъ на событіяхъ, слѣдовавшихъ за возвышеніемъ Милоша Обреновича. При этомъ г. Калай дѣлаетъ замѣчаніе, что въ трудѣ г. Попова нѣтъ вѣрной критики источниковъ, и что два объемистые тома этого сочиненія представляютъ ни что иное, какъ полемическое сочиненіе въ защиту русскаго вліянія въ Сербіи (тамъ же). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій, кто читалъ сочиненіе г. Попова, признаетъ такое мнѣніе невѣрнымъ. Подобное мнѣніе можетъ высказывать только тотъ, кто или не читалъ сочиненія г. Попова, а лишь имѣлъ его подъ руками и прочелъ одно заглавіе, или задался предвзятою мыслию. Самъ же г. Калай является, въ его собственномъ мнѣніи, безпристрастнымъ историкомъ сербскимъ. Въ этомъ именно онъ полагаетъ главное преимущество своего труда, и присоединяетъ сюда еще одно обстоятельство, именно что онъ воспользовался грамотами не изданными, числомъ 600, хранящимися въ Вѣлградскомъ архивѣ.

Что касается того, на сколько г. Калай безпристрастенъ, мы не беремъ судить; но что критически относиться къ источникамъ онъ не умѣетъ, мы, кажется, показали достаточно, когда рѣчь шла о древнемъ періодѣ. Въ изложеніи новѣйшей исторіи сербской авторъ основывается непосредственно на источникахъ и ссылается на нихъ обстоятельно.

Въ шестой главѣ онъ пользуется и не изданными документами. Поэтому-то глава эта имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ представляющая нѣчто новое, чего не найдти въ другихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету. Но при всемъ томъ нельзя сказать, чтобъ авторъ вполне критически относился къ этимъ источникамъ: пользуясь не изданными документами, авторъ не имѣетъ еще никакого права игно-

рировать документы, которые изданы другими исследователями. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду прекрасную статью г. Дубровина: „Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I“¹⁾, которая составлена по архивнымъ памятникамъ и является важнымъ дополненіемъ къ „Исторіи Сербіи“, Л. Ранке.

Мы упомянули уже, что шестая глава перваго тома сочиненія г. Каля имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ въ ней авторъ пользуется не изданными документами. Смѣемъ надѣяться, что второй томъ этого сочиненія, который имѣетъ появиться въ скоромъ времени, представитъ еще больше новаго. Желательно только, чтобъ авторъ побольше заимствовалъ изъ этихъ не изданныхъ документовъ и меньше вдавался бы въ разсужденія, не прямо относящіяся къ дѣлу.

Владиміръ Качановскій.

¹⁾ Статья эта помѣщена въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1863 г., т. 46; въ текстѣ и приложеніи документы изданы цѣликомъ.